

Фэн Цзячэн (冯佳诚)

ФУТУРИСТИЧЕСКАЯ ЭТНОПОЭТИКА ВЕНЕДИКТА МАРТА: СТИХОТВОРЕНИЕ «КЪЯН» И ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В статье рассмотрены заумь и этнопоэтика известного дальневосточного поэта Венедикта Марта в период Гражданской войны. Особое внимание уделяется взаимосвязи футуристической поэтики Марта с различными формами этнографии об инородцах Дальнего Востока России. Футуристические эксперименты в стихотворении «Къян» выходят за пределы традиционного идеологического резонанса или эстетической аналогии с футуризмом Европейской России, демонстрируя гораздо более сложные культурные и поэтические стратегии. Многослойное и динамичное отражение взаимодействий между Российской империей и дальневосточными инородцами в поэтическом наследии Венедикта Марта позволяет его творчеству преодолеть ограниченные рамки литературного ориентализма.

Ключевые слова: Венедикт Март, Дальний Восток, русский футуризм, этнография, этнопоэтика, заумь.

Как этнография, посвящённая так называемым досовременным инородцам, становилась источником вдохновения для поэтических экспериментов русского футуризма? Заумный текст, по мнению Г. А. Левинтона, в некоторых случаях не изобретается *ex nihilo* и тем более не возникает бессознательно, как в радении, а «берётся откуда-то» более или менее готовым и приспособляется к функции зауми или к другим функциям, диктуемым контекстом [10, с. 16]. В статьях о поэзии русского авангарда Левинтон показал, как такие разнообразные ресурсы — от фольклора и палеографии до иностранных языков и классических этнографических исследований — служили теми самыми «откуда-то», вдохновляя заумь Кручёных и Хлебникова [10, с. 16–28, 177]. Схожим образом, но предвосхищая фоносемантический подход Левинтона, Х. Баран провёл генетическое исследование, демонстрируя влияние африканских племенных культур и мифологий орочей на поэзию Хлебникова [22]. Такие незначительные и внезапно возникающие интересы порождали у поэта случайный, но высоко творческий отклик [3, с. 18]. Эти экзотические «образы из самых разных, предельно отдалённых и, казалось бы, несочетаемых друг с другом областей Природы и Культуры» были легко соположены будетлянами в едином тексте, создавая целостные

и инновационные поэтические структуры. Как задействованные Хлебниковым этнографические знания, так и его футуристическая поэзия могут быть переосмыслены через призму концепта ориентализма, предложенного Эдвардом Саидом, хотя ни Баран, ни Левинтон напрямую не апеллировали к данному термину в своих анализах [15].

Неологизм Венедикта Марта, подобно экспериментам Кручёных и Хлебникова, коренится в этнографических материалах. Однако их принципиальное отличие заключается в том, что этнографические знания у Марта не сводятся к роли пассивного сырья, механически интегрированного в поэтическую структуру. Как отмечает С. В. Сливко, дальневосточные народы в его поэзии не предстают в качестве удалённых и статичных объектов [16]. Поэтические эксперименты Марта, таким образом, невозможно редуцировать к случайным или бессознательным «радениям». Возникает ключевой вопрос: каким образом этнографические знания преобразуются в сложную, многослойную поэтическую структуру, определяя уникальность творчества Марта?

28 марта 1919 года в Литературно-художественном обществе (ЛХО) состоялся «Вечер критики», посвящённый сборнику стихов братьев В. Марта и Г. Эльфа, выпущенному под издательской маркой «Хай-Шин-Вей». За исключением положительных отзывов Троицкого, большинство критиков, включая С. Третьякова и А. Богданова, выразили резко негативное мнение о сборнике. Критика со стороны футуристов, по-видимому, задела Марта, который до этого момента не высказывался публично против футуризма. Однако вскоре после указанного вечера он опубликовал серию статей под общим названием «Искусство и жизнь», в которых предрёк неминуемую гибель футуризма [9, с. 409–410]. Одно стихотворение из сборника «Файн» особенно привлекло внимание аудитории:

Кьян (Формулы-Улыбки)

Кьян — У пирамиды в сумерках шумящий самовар.

Кьян — \$\$\$ и безумье шопотом.

Кьян — Подкованный тигр, поджидающий добычу у мраморной лестницы кафе.

Кьян — Евангелие в переплете из человеческой кожи —

(Кожи приват-доцента С.-П.-Б. У-та) [11, с. 114].

30 марта в газете «Эхо» была опубликована обширная рецензия Б. Шуйского (Б. П. Лопатина), в которой предпринята попытка интерпретации стихотворения «Кьян». По его мнению, неологизм «Кьян» символизирует «суета» и отражает процесс, в котором «чувствуется, как Март вырастает под бичом

мятущегося к познанию мозга и, вырастая, чувствует себя все более и более маленьким», а также «как мысль Марта поднимается с бездн мозга до звуков слов туманных» [21]. Альтернативное толкование предложила А. А. Забияка.

Она связала творчество Марта, всецело ориентированное на Восток, не с его личными внутренними переживаниями, а с более широким культурным феноменом, который она определила как «ментальность дальневосточного фронта» [5]. Эта интерпретация находит перекличку с концепцией, предложенной Е. О. Кирилловой, которая характеризует творчество Марта через призму «трагического ощущения края» — экзистенциальной и интеллектуальной изоляции, глубоко укоренённой в опыте жизни на географической и культурной периферии [8].

Очевидно, что «Кьян» отличается богатыми существительными образами. Сопоставление таких, казалось бы, несовместимых объектов, как египетская «пирамида» и русский «самовар», создаёт эффект когнитивного диссонанса и вызывает столкновение пространственных и культурных контекстов. Аналогичным образом, связь между «подкованным тигром» и «лестницами кафе», комбинация «Евангелия», «человечьей кожи» и «приват-доцента», а также соединение «§§§» и «безумия» иллюстрируют отказ от традиционных систем значений и нарушение привычных рамок воображения. Эти стратегии, характерные для модернизма, соотносятся с основными задачами русского футуризма: деконструкцией и обновлением устоявшихся символических и семантических структур.

Тем не менее эти диссонирующие строки объединены под единым заголовком — заумным неологизмом «Кьян». Более того, каждая строка выступает как своего рода словарная статья, раскрывающая и уточняющая значения термина «Кьян». Таким образом, стихотворение функционирует как словарь или, точнее, само становится словарём, целенаправленно сконструированным для объяснения и демистификации новоизобретённого «Кьян». Вероятнее всего, эта техника черпает вдохновение из экспериментов Хлебникова. Именно Николай Гумилёв об этом специфическом приёме Хлебникова упомянул: «Он мечтает о простейшем языке из одних предлогов, которые указывают направление движения. Такие его стихотворения, как “Смехачи”, “Перевертень”, “Черный Любирь”, являются в значительной мере словарем такого возможного языка» [4, с. 172–173]. Однако подход Венедикта Марта отличается большей формальной простотой и непосредственностью. Тире, используемое им, становится символом словаря, заменяя сложные морфологические манипуляции, характерные для Хлебникова, такие

как приставки. Поэтому, каким образом каждая из этих словарных статей наполняет неологизм «Кьян» смыслом?

Подобно ряду ранних футуристов, принявших имя «Гиляе» и проявлявших устойчивый, хотя и любительский, интерес к археологии [25, с. 100], Венедикт Март также отличался особым вкусом к археологии и этнографии. Образ «пирамида» отсылает не только к знаменитой египетской пирамиде, но и к более широкому семантическому полю, включающему угловатые и конические формы конструкций. Примечательно, что в 1907 году в своём труде «Записки Общества изучения Амурского края. Т. 11», В. Е. Глуздовский представил каталог музея Общества изучения Амурского края (ОИАК), в котором этнографический отдел был систематизирован по типу дальневосточных инородцев: каждая секция посвящена отдельной этнической группе и включает подробные описания их архитектуры, костюмов, мебели и других культурных аспектов. Особое внимание Глуздовский уделил описанию архитектуры гиляков: «Для землянки вырывают яму 20–22 кв. ф. и от 3 до 4 ф. глубины и покрывают её пирамидальной крышей из тонких, покоящихся на четырёх перекладинах, брёвен. На самой верхушке оставляется отверстие для дыма. Крыша засыпается листьями и землёй. Входное отверстие ведёт сначала в довольно длинный проход» [7, с. 13–14].

Гиляки, проживавшие в устье реки Амур и на северных территориях острова Сахалин, строили адаптированные к суровым холодам зимние жилища. Эти постройки делились на две основные категории: более простые землянки с крутыми пирамидальными крышами и более сложные фанзы, выполненные в китайском стиле [7, с. 13]. Схожие формы архитектуры можно обнаружить и среди других коренных народов, хотя они не всегда принимают вид землянки. Этнологи ОИАК зафиксировали широкое распространение юрт, являющихся репрезентативным жилищным строительством в кочевых традициях и жизни. Данное переносное жилище конической формы тесно перекликается с геометрией пирамиды. Несмотря на то что Март не принимал непосредственного участия в этнографических экспедициях, его знакомство с этими уникальными жилищами произошло через коллекции музея ОИАК во Владивостоке. С момента своего основания в 1890 году музей собрал исключительную коллекцию артефактов и этнографических материалов, привезённых исследователями и учёными.

Образ «человечья кожа» в заключительной строке напрямую отсылает к этнографическим текстам Дальнего Востока того времени, где широко описывалось использование различных шкур и мехов животных, включая

кожу рыб, тюленей и мунтжаков, для создания одежды, украшения предметов быта, нанесения ритуальных символов и других сакральных целей. Каталог Глуздовского, в частности, содержит многочисленные упоминания таких обычаев, особенно среди нанайцев [7, с. 54–57, 71–76]. Очевидно, что Март сознательно заменил слово «кожа» на «человечья кожа», чтобы усилить тематическую и символическую целостность стиха, особенно в контексте образа «Кожа приват-доцента». Что примечательно, Март избегает более распространённой в русском языке конструкции «кожа человека» или «кожа человечества» и предпочитает словосочетание «человечья кожа». Такое использование прилагательного «человечий» подчёркивает не просто принадлежность кожи человеку, но и внутренне присущее качество, которое коренится в сущности всех людей. Однако почему Март намеренно выбрал именно этот вариант?

В 1886 году этнограф Л. Я. Штернберг был сослан на остров Сахалин, где он столкнулся с существенным дефицитом этнографических данных о гилияках, населявших Сахалин и низовья реки Амур. Осознавая необходимость восполнения этого пробела в научных знаниях, Штернберг инициировал проведение научной экспедиции на Дальний Восток. Долгожданная экспедиция стартовала 15 мая 1910 года [13, с. 312–317]. Результатом этого полевого исследования стало детализированное обобщение наблюдений в «Отчёте об экспедиции на Амур и Сахалин в 1910 году». В рамках данного отчёта Штернберг охарактеризовал систему верований гилияков как основанную на анимизме — концепции, которая была затем расширена и глубже раскрыта в его монографии «Гилияки, орочи, гольды, негидальцы, айны: статьи и материалы» (1933).

По Штернбергу, одной из наиболее выраженных черт духовной жизни гилияков был их «антропоморфизм» [19, с. 49], согласно которому все элементы природы, будь то животные, растения или даже неодушевлённые объекты, обладали жизнью и душой, а также могли быть наделены антропоморфными характеристиками [20, с. 62–73]. В таком мировоззрении человек воспринимался как наиболее понятная единица, и гилияки переносили своё почтение и уважение к человеческой природе на весь окружающий мир. При этом Штернберг был не единственным, кто задокументировал эти верования. Ещё до его работы В. К. Арсеньев также сталкивался с подобным анимизмом. В своей книге 1928 года «В делях Уссурийского края» Арсеньев описал экспедицию в бассейн реки Усури в 1902 году, в ходе которой он установил глубокую связь с охотником — гольдом Дерсу Узала, чьи

взгляды на природу глубоко поразили Арсеньева. Особенно впечатлил его тот факт, что Дерсу Узала использовал термин «человек» для описания различных природных элементов, таких как кабан, солнце, земля, вода, огонь и туман. Более того, он воспринимал летягу как обитель душ умерших детей [17 с. 26–28, 172, 182, 189].

Март глубоко осознал значение концепции «души», которая уже появлялась в его ранних сборниках стихов «Чёрный дом» и «Русь, моя кровь», опубликованных в 1918 году. Этот интерес к душе продолжит развиваться и углубляться в его позднейших работах, таких как «Тигровые чары» (1920), «Три Солнца. Истории моей смерти» (1921) и «Украденная смерть» (1921). В свете этого сочетание «человечья кожа» в стихотворении «Кьям» не указывает лишь на человеческую кожу, но и обозначает кожу всех существ, подчёркивая текучесть границ между видами, а также взаимосвязанность всех форм жизни. Таким образом, упоминание «Кожи приват-доцента С.-П.-Б. У-та» относится скорее к коже животного, собранной или обнаруженной «приват-доцентом».

Аббревиатура «С.-П.-Б. У-т», как очевидно, отсылает к Санкт-Петербургскому университету, который в конце XIX – начале XX века стал важным центром подготовки ориенталистов, работавших на Дальнем Востоке. Выпускниками университета, особенно его кафедры восточных языков, были такие выдающиеся учёные, как синологи А. В. Рудаков и П. П. Шмидт, японист Е. Г. Спарвин. Среди них лишь немногие удостоились звания «доцент», как А. М. Позднеев, занимавший должность доцента на кафедре восточных языков, и Г. И. Доля, который позже стал доцентом Восточного института. Однако ключевое значение имеет не столько сам титул доцента, сколько его символическая функция. В этом контексте поэтика, построенная на основе монтажа радикальных сопоставлений, таких как сочетание «человечья кожа» с «доцентом» или «пирамиды» с «самоваром», отражает взаимодействия Российской империи с восточными народами, включая инородцев, китайцев и японцев, которых она стремилась изучать и контролировать. Именно этот смысл Март пытается вложить в заумь «Кьян».

Оставшаяся часть поэмы продолжает следовать аналогичной структуре. Противопоставляя «Евангелие», символизирующее русское православие, с «человечья кожей», представляющей иноверие как шаманизм и анимизм, этот яркий контраст отражает сложные взаимодействия между православием и коренными народами Дальнего Востока. Существуют убедительные свидетельства того, что для многих коренных народов крещение не всегда

означало полную христианизацию. Согласно В. И. Харитоновой, в ряде случаев чуждые божества интегрированы в существующие системы верований, не разрушая их основы, а напротив — обогащая их новыми нюансами [17, с. 239]. Таким образом, в образе «Евангелие в переплёте из человеческой кожи» Март запечатлевает именно этот синтетический процесс, где элементы разных мировоззрений сливаются в единый гибридный религиозный опыт, который часто именуют «двоеверие».

Более того, межстрочное сопоставление образов «Евангелия» и «самовара» представляет собой интертекстуальный отсыл к размышлениям А. С. Пушкина о черкесах: «Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Чёрного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия» [14, с. 449].

В данном контексте «самовар» и «Евангелие» рассматривались как экономические и религиозные инструменты ассимиляции и установления контроля над черкесами.

Если вышеупомянутые образы символизируют процесс завоевания инородцев Российской империей, то вторая строка представляет собой аллерию их сопротивления. Образ «Тигр» в данном контексте прежде всего отсылает к амурскому тигру, когда-то обитавшему на просторах Дальнего Востока. Отсутствие традиции охоты на тигра среди инородцев, почитавших его как священное существо, резко контрастирует с практиками русских переселенцев. В этой связи «подкованный тигр», скрывающийся в ожидании своей добычи — человека, становится метафорой сопротивления, являясь воплощением непокорного духа инородцев.

Проведя деконструкцию словаря-стиха «Кьян», мы выделили пять отдельных, но взаимосвязанных компонентов, объединённых общей темой взаимодействия империи с инородцами. Они расположены в тщательно продуманной последовательности, отражая различные аспекты этого взаимодействия: 1) материально-экономические конфликты и различия в образах жизни (самовар и пирамида); 2) разграничение и границы (\$\$\$ и безумие, возникающее вследствие транс-границы); 3) духовные обмены и столкновения культур (Евангелие и человеческая кожа); 4) сопротивление (тигр и его добыча); 5) столкновения знаний и идентичности (ориенталист и шкура животного).

Этот подход также находит параллели с лекцией В. К. Арсеньева, озаглавленной «Вымирание инородцев Амурского края», прочитанной в 1913 году в Гродековском музее (Хабаровск) на Первом съезде врачей Приамурского края. Арсеньев связывал угрозу исчезновения коренных народов с тремя ключевыми факторами: экономическим давлением, духовно-религиозным влиянием и ассимиляцией, касающейся образа жизни [2, с. 6]. Несмотря на различия в историческом контексте, с которыми сталкивались Арсеньев и Март, их работы представляют собой выражение общей интеллектуальной парадигмы, сформированной этнографическими исследованиями Дальнего Востока.

Тем не менее данный словарь-стих был составлен не просто с целью толкования зауми. Хотя трактовать «Кьян» как неологизм, вдохновлённый хлебниковской заумью, а не как десемантизированную фонетическую игру Кручёных, представляется вполне оправданным, более глубокий этимологический анализ раскрывает, что, подобно своим словарным статьям, слово «Кьян» также имеет корни в дальневосточной этнографии, подразумевая, что он тоже «берётся откуда-то».

С. Г. Леонтович, окончивший Николаевскую академию Генерального штаба в 1891 году с отличием, с 12 октября 1892 года начал службу в должности помощника старшего адъютанта штаба Приамурского военного округа. Именно в этот период, находясь на Дальнем Востоке, у него возник интерес к этнографии, что побудило его организовать несколько экспедиций, результаты которых были опубликованы в «Записках ОИАК. Т. 5. Вып. 2.» под названием «Краткий русско-ороченский словарь с грамматической заметкой». Эта работа, содержащая множество ороченских слов, транскрибированных с использованием русского алфавита, принесла Леонтовичу устойчивое признание [12, с. 67]. Одним из наиболее примечательных записей в этом словаре является термин «Кia»:

Край (окраина): вообще — kia; вещи — кiани; берега — kia-сансало [6, с. 79].

Март, вероятно, черпал вдохновение для создания неологизма «Кьян» из трудов С. Г. Леонтовича. Литературные работы Леонтовича, подаренные в дар ОИАК, были представлены в библиотеке и музее ОИАК. Через участие в публичных экспозициях, а также благодаря влиянию своего отца, Н. П. Матвеева, видного деятеля ОИАК и руководителя издательством «Хай-Шин-Вей», где публиковался значительный объём материалов ОИАК, и старшего брата, З. Н. Матвеева, студента Восточного института, Март оказался погружён в насыщенную среду этнографических текстов. Дополнительно его

обучение в мужской гимназии Владивостока, связанной с Восточным институтом, также обеспечивало ему погружение в эти ресурсы.

Безусловно, «Кьян» отличается от таких форм, как «Kia» или «Kiani». Одной из причин является отсутствие стандартизированных правил транскрипции на русском языке, что приводило к разнообразию транскрипции одних и тех же слогов разными исследователями. Эти расхождения касались, в частности, замены букв, таких как «и», «і», «ѣ» и «ъ». Например, Б. О. Пилсудский часто использовал «и» вместо «і», «ѣ» или «ъ» при транскрипции айнских слов [7, с. VIII]. Таким образом, «Kiani» также могло быть записано как «Kianъ». Однако к 1919 году, когда Март опубликовал своё стихотворение, русская орфографическая реформа уже началась, одним из значимых изменений которой стало упразднение «ъ» на конце слов и в составе сложносоставных конструкций. Интерес Марта к реформе орфографии неоднократно проявлялся, о чём свидетельствует его сборник «Россия без Ъ» (1921). Более того, сочетание «иа» нередко заменялось на «ья», особенно в поэтической речи. Мягкий знак смягчает согласную «к», акцентируя ударение на «я», превращая его в «звучное слово», как это было описано Третьяковым на вечере критики. В этой связи неудивительно, что Март «изобрёл» неологизм «Кьян», который представляет собой переработку этнографического материала, синтезированного с новаторскими идеями языкового эксперимента.

Однако источники вдохновения Марта этим не ограничиваются. Особого внимания заслуживает деятельность другого выдающегося этнографа, Б. О. Пилсудского. Во время своего пребывания на Сахалине Пилсудский активно занимался изучением айнов и в 1898 году стал членом ОИАК. В последующие годы он неизменно посвящал себя изучению этого народа, что привело к публикации работы *Materials for study of the Ainu Language and Folklore* [24]. Интересно, что транскрипция «KIÁÑNE | ~ KIJANE ~ KIJANNE», приведённая в этой книге по правилам транскрипции того времени, практически идентична неологизму «Кьян». Но в данном случае она означает «древний».

В результате слова из различных языков инородцев Дальнего Востока часто транскрибируются в одну и ту же форму русского языка из-за их схожего или идентичного произношения. В данном случае это позволило создать семантическое пространство, которое, будучи конструируемым посредством звука «Кьян», трансформировалось в слияние множества значений — «древний край». «Изобретая» или вводя такой «неологизм» в свой футуристический словарь-стих, Март наделил его новым метафорическим значением в

контексте «дальневосточного фронта», тем самым не только определив неологизм «Кьян», но и переосмыслив существующее понятие «древний край» через призму этнического взаимодействия.

На самом деле стихотворение «Кьян» не представлено в сборнике «Фаин» в изоляции. Март объединяет его с одиннадцатью другими стихами под общей обложкой «Открытая Форточка», большинство из которых вращается вокруг ключевой темы «Кьян», и использует схожие образы и символику. Этот выбор вызывает важный вопрос: почему именно концепт «Кьян» — «древний край» — приобретает значимость в конкретный исторический момент? Какие актуальные проблемы он отражает?

Иван Саблин отмечает, что в ходе Русской революции 1905 года началось формирование леволиберального направления, нацеленного на создание имперской нации, основанной на этнической инклюзивности в Государственной Думе. Эта идея приобрела популярность во время Февральской революции 1917 года [26, с. 92]. Однако дебаты относительно того, как включать национальные меньшинства и учитывать региональные особенности, не прекратились после Октябрьской революции, а, наоборот, лишь усложнились. «Открытая Форточка», или так называемые стихи Кьян, были созданы в этом интеллектуально и политически напряжённом контексте, внося свой вклад в дебаты с явно футуристической поэтической позицией. Иными словами, этнографическое знание, сложившееся из многослойных взаимодействий между Российской империей и инородцами, в сочетании с тенденцией национального самоопределения и растущим национализмом становится важным стимулом для футуристических поэтических экспериментов Марта.

Можно предположить, что экспансия Российской империи на Дальнем Востоке, глобальное движение за национальное самоопределение и футуристический поиск новой поэтики пересекаются в этом кратком, но мощном стихотворении. После Октябрьской революции Дальний Восток претерпел значительные изменения, став не только периферийной территорией империи, но и важным политическим центром на фоне Гражданской войны и иностранной интервенции. Владивосток, в частности, стал одним из культурных центров Дальнего Востока, где собралась активная община художников и интеллектуалов. В этой новой исторической ситуации Март, несколько парадоксально, возвращает регион в статус «Кьян», переосмысливая его как край или периферию. Однако именно через такую «рефронтризацию» центра и переосмысление понятия края начинает проявляться менее известная и часто забытая история инородцев и их взаимодействие с более широким обществом.

Когда Вальтер Беньямин утверждал, что среди всех отношений, в которые вступает современность, её отношение к древности является ключевым, рассматривал столкновение с археологическими остатками как основополагающую характеристику современности [23, с. 236]. Несмотря на то что Март действительно обращался к наследию прошлого, он делал это не через античные артефакты, такие как камни, статуи или некрополи [18]. Напротив, он выбрал почти современные ему этнографии, связанные с инородцами Дальнего Востока, которые были глубоко вовлечены и продолжают участвовать в процессе глобализации. Именно через эти на первый взгляд незамеченные элементы Март формирует своего рода мост между прошлым, настоящим и возможным будущим, создавая тем самым насыщенное диалогическое пространство, в котором пересекаются различные временные и культурные перспективы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арсеньев, В. К. В дебрях Уссурийского края / В. К. Арсеньев. — Хабаровск ; Владивосток : Кн. дело. 1928. — 456 с.
2. Арсеньев, В. К. Вымирание инородцев Амурского края / В. К. Арсеньев. — Хабаровск : Тип. Канцелярии приамур. генерал-губернатора. 1914. — 17 с.
3. Баран, Х. О стихотворении Хлебникова «Чёрный царь плясал перед народом» / Х. Баран // Шиповник : историко-филол. сб. к 60-летию Р. Д. Тменчика. — Москва, 2005. — С. 16–24.
4. Гумилёв, Н. С. Письма о русской поэзии / Н. С. Гумилёв. — Москва : Современник, 1990. — 381 с.
5. Забияко, А. А. Художественная этнография Венедикта Марта: дальневосточный период / А. А. Забияко, А. А. Левченко // Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дал. Востоке. — 2014. — № 4 (30). — С. 150–165.
6. Записки Общества изучения Амурского края (Владивостокского отделения Приамурского отдела ИРГО). Т. V. Вып. 2. — Владивосток : Тип. Н. В. Ремезова, 1896. — 147 с.
7. Записки Общества изучения Амурского края (Владивостокского отделения Приамурского отдела ИРГО). Т. XI. — Владивосток : Тип. Торгово-Промышленного Вестника Д. В., 1907. — VIII, 127 с.
8. Кириллова, Е. О. Русская футуристическая поэзия на Дальнем Востоке 1917–1922 гг. : идейно-художественные искания, поэтические имена : дис. канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. О. Кириллова ; [место защиты: Дальневост. гос. ун-т]. — Владивосток, 2007. — 258 с.

9. Крусанов, А. В. Русский авангард, 1907–1932 : (Ист. обзор) : в 3 т. Т. 2, кн. 2 : Футуристическая революция, 1917–1921 / А. В. Крусанов. — Москва : Новое лит. обозрение, 2003. — 606 с.
10. Левинтон, Г. А., Статьи о Поэзии Русского Авангарда / Г. А. Левинтон. — Helsinki : Department of Modern Languages, 2017. — 275 с.
11. Март, В. Стихи / В. Март. — Санкт-Петербург : Тэслит, 2020. — 260 с.
12. Павловский, И. Ф. Исторический очерк Петровского Полтавского кадетского корпуса (1840–1890) : по офиц. данным / сост. И. Ф. Павловский. — Полтава : Тип. Губ. правл., 1890. — 184, 114, VIII с.
13. Прокофьев, М. М. Последняя экспедиция Л. Я. Штернберга на Дальний Восток / М. М. Прокофьев // Изв. Ин-та наследия Бронислава Пилсудского (при Сахалинском музее). — Южно-Сахалинск, 2007. — Вып. 11. — С. 352–390.
14. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : [в 17 т.]. Т. 8, кн. 1. — Москва : Воскресенье, 1995. — 494 с.
15. Саид, Э. Ориентализм / Э. Саид ; науч. ред. А. Р. Ихсанов. — Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2021. — 558 с.
16. Сливко, С. В. Лирическая поэзия Венедикта Марта в 1917 году : от художественной этнографии к социальной и философской проблематике / С. В. Сливко // Этнодиалоги. — 2024. — № 2 (73). — С. 97–112.
17. Харитоновна, В. И. Немного о том, чем закончился «процесс отмирания религиозных верований» / В. И. Харитоновна // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. — Москва, 2006. — С. 233–250.
18. Шевеленко, И. Д. Модернизм как архаизм : национализм и поиски модернистской эстетики в России / И. Шевеленко. — Москва : Новое лит. обозрение, 2017. — 333, [1] с.
19. Штернберг, Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны : статьи и материалы / Л. Я. Штернберг ; под ред. и с предисл. Я. П. Алькор (Кошкина). — Хабаровск : Дальгиз, 1933. — XXXVIII, [1], 740 с.
20. Штернберг, Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии : Исследования, статьи, лекции / Л. Я. Штернберг ; под ред. и с пред. Я. П. Алькора. — Ленинград : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. — 572 с.
21. Шуйский, Б. (Лопатин Б. П.). Март и творчество / Б. Шуйский (Б. П. Лопатин) // Эхо. — 1919. — № 25 (30 марта). — С. 6.
22. Baran, H. *Xlebnikov and the Mythology of Oroches* / H. Baran // *Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky* / ed. by R. Jakobson et. al. — The Hague : Mouton, 1973. — P. 33–40.

23. Benjamin, W. The Arcades Project / W. Benjamin ; trans. Rolf Tiedemann. — Cambridge, MA : Belknap Press, 1999. — 1073 p.

24. Majewicz, A. F. Researcher and Friend of Sakhalin Natives — The Scholarly Profile of Bronislaw Pilsudski / A. F. Majewicz // Hemispheres. — 1988. — № 5. — Pp. 216–228.

25. Michael Kunichika, M Our Native Antiquity. Archaeology and Aesthetics in the Culture of Russian Modernism / M. Kunichika. — Boston : Academic Studies Press, 2015. — 344 p.

26. Sablin, I. The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905–1922 : Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire / I. Sablin. — London & New York : Routledge, 2018. — 312 p.